

Г.Е. Корнилов*

G.E. Kornilov*

Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах)****Transformation of Demographic Structures Into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934)****

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-11

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-11

УДК 994:314.1(470.5)«1923/1934»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Корнилов Г.Е. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 121–132. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-11.pdf>

Kornilov G.E. Transformation of Demographic Structures Into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934) // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 121–132. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-11.pdf>

Abstract. The analysis of changes in the demographic situation and, accordingly, the demographic structures of the urban population is carried out within the framework of the Ural region, which existed in 1923–1934. This created area with its center Yekaterinburg/Sverdlovsk as was experimental, during which the search for the optimal combination of industrial and agricultural production was carried out. The administrative boundaries of the territory did not change, which allowed for calculations not to resort to recalculations. The region by the end of its existence had turned into one of the most industrially developed regions of the country, another thing was that at the beginning of 1934, when it was disbanded, statistics did not summarize the demographic state for 1933, only the materials of recounts for the newly formed regions (Sverdlovsk, Chelyabinsk and Ob-Irtys) were deposited in the archives. The main factor in the transformation of demographic development was the policy of industrialization and collectivization. They gave a powerful boost to the growth of cities and the urban population of the region. The main source of their replenishment was voluntary and forced migration, which led to the fact that most of the citizens were in a post-migration state. The article is based on relatively little-studied sources, such as the urban population census conducted in April 1931, the tax records of 1931, 1932, the trade union census of 1932–1933, the current population census, and the published materials of the population censuses of 1920, 1923, and 1926. The article analyzes the dynamics of the urban population of the Ural region, identifies the stages of its growth, the main factors. The phenomenal growth of citizens has dramatically transformed its demographic structures: it has changed the gender and age composition, family structure, and employment structure of the population. The article notes that in the 1920s there was a demographic transition, but the demographic situation was not stable. Food difficulties and the outbreak of famine in the early 1930s affected demographic development, it coincided with the demographic cycle that began after the disaster of the early 1920s, these two factors were evidence of the demographic crisis and determined the subsequent development of the population.

Keywords: urban population; population censuses; gender, age and family structures; Ural region.

* Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: genakorn@mail.ru

Kornilov Gennady Egorovich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: genakorn@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX – начале XXI вв.: региональный аспект».

The study was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-09-00032 “Transformation of Demographic Structures of Russian Society in the Late XIX – Early XXI Centuries: a Regional Aspect”.

The article has been received by the editor on 19.05.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Анализ изменений демографической ситуации и демографических структур городского населения проводится в рамках Уральской области, существовавшей в 1923–1934 гг. Эта область (с центром в Екатеринбурге/Свердловске) была создана с целью поиска оптимального сочетания промышленного и сельскохозяйственного производства. Административные границы территории не менялись, что позволило не прибегать к пересчетам данных. К концу своего существования область превратилась в один из промышленно развитых районов страны. В то же время в начале 1934 г., когда она была расформирована, статистики не подвели итоги демографического состояния за 1933 г. В архивах отложились только материалы пересчетов по вновь образованным областям (Свердловской, Челябинской и Обь-Иртышской). Основным фактором трансформации демографического развития была проводимая политика индустриализации и коллективизации. Они дали мощный толчок для роста городов и численности населения края. Основным источником их пополнения стала добровольная и принудительная миграция, которая привела к тому, что большая часть горожан оказалась в постмиграционном состоянии. Статья подготовлена на основе относительно малоизученных источников, таких как перепись городского населения 1931 г., материалы налогового учета 1931, 1932 гг., профсоюзной переписи 1932, 1933 гг., текущего учета населения и опубликованных данных переписей населения 1920, 1923, 1926 гг. Проанализирована динамика численности городского населения Уральской области, выявлены этапы его роста. Феноменальный скачок численности горожан резко трансформировал его демографические структуры: изменил половой, возрастной и семейный состав, занятость населения. В 1920-е гг. наметился демографический переход, но демографическая ситуация была нестабильной. Продовольственные трудности и разразившийся голод в начале 1930-х гг. повлияли на демографическое развитие. Этот период совпал с демографическим циклом, начавшимся после катастрофы начала 1920-х гг. Эти два фактора стали причинами демографического кризиса и определили последующее развитие населения.

Ключевые слова: городское население; переписи населения; половая, возрастная и семейная структуры; Уральская область.

В 1920-е гг. в стране проводились реформы во всех государственных сферах. В 1923 г. началось экономическое районирование, которое было положено в основу административно-территориальной реформы. В качестве экспериментальных экономических регионов созданы Уральская область и Северо-Кавказский край. 12 декабря 1923 г. декретом ВЦИК были определены границы и административное деление Уральской области с центром в Екатеринбурге (с 1924 г. – Свердловск), она существовала до 17 января 1934 г.¹ Опыт районирования показал, что Уральская область оформилась, как единое хозяйственное целое. Она обеспечивала необходимую увязку промышленности с сельским хозяйством. Административно-территориальная реформа проходила последовательно и в сочетании с другими реформами, в первую очередь с нэпом, управлением хозяйством региона.

Огромная по территории Уральская область становилась жизненно важным центром российской горнодобывающей и металлургической промышленности². Это был уникальный экономический эксперимент, ничего подобного никогда ранее в региональной истории не предпринималось. Бурное индустриальное развитие Урала в конце 1920–1930-е гг. потребовало привлечения огромного количества рабочих рук, формирования нового облика городов региона. Индустриализация вызвала в свою очередь бурный процесс урбанизации. Городское население, его состав и образ жизни составляли основу урбанизационных транс-

¹ Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных районов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. С. 68–80.

² Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). Екатеринбург, 1923. С. 4.

формаций, а также являлись показателем глубины происходивших изменений. В связи с этим трудно согласиться с мнением авторитетного исследователя В.А. Исупова о том, что ускоренная индустриализация стала базой для принципиально нового явления в истории сибирской урбанизации – так называемой «квазиурбанизации»³. Мы полагаем, что это был процесс градообразования, характерный для первого этапа индустриализации, проводившейся в ускоренном варианте, когда решение социокультурных проблем стояло не на первом месте.

Первые работы с анализом демографической ситуации на Урале появились после проведения переписи 1920 г. (их целью была оценка потерь населения в регионе после Гражданской войны), а затем городской переписи 1923 г. Существенное развитие исследований статистики населения произошло после всесоюзной переписи 1926 г.⁴ Молодому Советскому государству необходим был учет трудовых и военно-мобилизационных ресурсов. На Урале в эти годы работала группа статистиков – В.С. Немчинов (заведующий Уральским областным статуправлением), П.Ф. Неволин, Ф.Н. Лебедев, которые публиковали сборники статистических материалов, проводили анализ демографической ситуации⁵. Ряд их наблюдений сохраняет актуальность и в настоящее время. После долгого перерыва историко-демографические исследования на Урале появляются только в 1990-е гг.⁶ Интенсивное изучение городского населения продолжилось в XXI в.⁷ Наибольших результатов в изучении темы добилась В.А. Журавлева. Она провела комплексное историко-демографическое исследование городского населения Урала в 1920–1930-е гг. и определила региональную специфику. Ей удалось выявить некоторые количественные параметры численности, структуры воспроизводства и миграции населения. Она пришла к выводу, что городское население региона в этот период находилось на этапе демографического перехода, и выделила его специфику – смешение двух его фаз (снижение рождаемости опережало сокращение смертности), прерывание естественного хода демографической трансформации⁸.

Есть сведения о демографической сфере Урала и в немногочисленной зарубежной литературе. С. Коткин, Л. Самуэльсон описывали строящиеся предприятия в Магнитогорске и Челябинске, давая характеристику населения через призму повседневной жизни. Дж. Р. Харрис утверждал, что создание Большого Урала было вызвано его огромным экономическим потенциалом и ростом влияния местной партийно-советской элиты⁹.

На основе анализа исторических источников ставится задача выявить влияние демографических и недемографических факторов на формирование городского населения Уральской области в условиях меняющихся политических условий и социально-экономических отношений. Границы области не менялись, что позволяет не проводить дополнительные расчеты при изучении демографической динамики. В основе статьи относительно малоизученные источники: переписи населения 1920, 1923, 1926 и 1931 гг. Они дают богатый материал для реконструкции демографических процессов в регионе. Сведения о распределении городского населения по полу, возрасту, семейному составу, соотношении самостоятельного и несамодеятельного населения дополнены материалами налогового учета,

³ Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.

⁴ Исупов В.А. Историческая демография в Сибири: проблемы историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 3–8.

⁵ Уральский статистический ежегодник на 1923 г. Екатеринбург, 1923; Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 140–145.

⁶ Население Урала, XX в.: История демографического развития. Екатеринбург, 1996.

⁷ Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3. С. 96–100.; Чащин А.В. Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5. С. 116–121.

⁸ Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск, 2012; Журавлева В.А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск, 2014; и др.

⁹ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999; Самуэльсон Л. Танкоград: Секреты русского тыла. 1917–1953. М., 2010.

профсоюзной переписи, текущего учета жителей. Полученные данные позволяют проанализировать изменения демографических структур городского сообщества на Урале. Материалы переписи 1931 г. частично публиковались, некоторые из них сохранились в местных государственных архивах Свердловска, Магнитогорска¹⁰.

В Уральской области по переписям 1920, 1923, 1926 и 1931 гг. численность городских населенных пунктов менялась из-за смены определения и критериев: 1920 г. – 183, 1923 г. – 183, в 1926 г. – 160, в 1931 г. – 146. С середины 1920-х гг., несмотря на сокращение количества городских поселений, в регионе шли процессы восстановления и роста численности горожан: в 1920 г. – 1 187 тыс. чел., в 1923 г. – 1 049 тыс., в 1926 г. – 1 337 тыс., в 1930 г. – 2 022,5 тыс., в 1933 г. – 3 167,2 тыс. чел. (табл. 1). С 1926 до 1931 г. прирост числа жителей в городах с населением свыше 20 тыс. чел. составил 415,2 тыс. чел, с населением от 5 до 20 тыс. – 173,4 тыс., в мелких городах с населением ниже 5 тыс. – 14,2 тыс. чел., городановостройки дали 104,6 тыс. чел.

Таблица 1

Группировка городов Уральской области по численности населения в 1920–1933 гг., тыс чел.

Год		Менее 5	5–10	10–20	20–50	50–100	100 и более	Итого
1920	Число городов	70	34	19	9	3	–	135
	в них населения	160,7	252,9	263,1	291,1	219,2	–	1 187
	в %	13,5	21,3	22,2	24,5	18,5	–	100
1923	Число городов	75	35	15	7	3	–	135
	в них населения	178,7	248,7	202,4	198,3	221,2	–	1 049,3
	в %	17,0	23,7	19,3	17,9	21,1	–	100
1926	Число городов	70	36	20	9	3	1	139
	в них населения	177,1	254,4	291,7	283,6	194,1	136,5	1 337,4
	в %	13,3	19,0	21,8	21,2	14,5	10,2	100
1931	Число городов	59	39	24	15	6	3	146
	в них населения	167,2	284,7	322,0	426,5	360,4	456,5	2 017,5
	в %	8,3	14,1	16,1	21,1	17,8	22,6	100
1933	Число городов	–	–	102	27	7	5	141
	в них населения	–	–	702,5	808,7	487,5	1 168,5	3 167,2
	в %	–	–	22,2	25,5	15,4	36,9	100

Составлено по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С 28–33; Уральский статистический ежегодник 1923–1924 г. С. 49–50, 52; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. Свердловск, 1928. С. 4, 28–33; Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 304–305; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 170. Л. 195–198.

С 1927 г. начинается период индустриализации Урала, для которого характерен ускоренный социально-экономический переход от традиционного этапа развития к индустриаль-

¹⁰ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1812. Оп. 2. Д. 33; 170; Магнитогорский городской архив (МГА). Ф. 99. Оп. 4. Д. 40; Ф. 16. Оп. 1. Д. 7.

ному с преобладанием промышленного производства в экономике. Строительство и пуск промышленных объектов в городских поселениях обусловили бурный рост численности их жителей. Необходимо отметить, что учет 1931 г. регистрировал только постоянное население городов и временно отсутствовавшее (менее месяца), т.е. не учитывал временно проживающих, красноармейцев. В то время как переписи 1920, 1923, 1926 гг. учитывали наличное население, оказавшееся в момент переписи в данном населенном пункте. В быстрорастущих городах обычно наличное население многочисленнее постоянного. Превышение наличного населения над постоянным в переписи 1926 г. для всего городского населения Уральской области составляло, по нашим расчетам, примерно 3 %¹¹.

Данные табл. 1 позволяют выделить региональные особенности формирования городов по людности. В 1920 г. в крупных городах (с населением более 50 тыс. чел.) проживало около 18,5 % населения всей области, в 1926 г. – 24,7, в 1931 г. в них было сосредоточено более 40,5 %. В малых городах с населением менее 15 тыс. чел. в 1920 г. проживало 38 % населения, в 1931 г. – 22 %. В городах с населением в 10–50 тыс. чел. в 1920 г. было 50 %, в 1931 г. – 37 %. В 1920-е гг. шел процесс концентрации населения в наиболее крупных городах с населением более 50 тыс. чел. В начале 1930-х гг. он привел к тому, что в них проживала половина горожан области (на начало 1933 г. – 47,8 %). Процесс формирования городского населения в рамках Уральской области прошел два этапа: 1920–1926 гг. и 1927–1934 гг.

Изменился и состав населения Уральской области. Удельный вес городского населения в общей массе населения поднялся с 16,8 % в 1920 г. до 19,7 % в 1926 г., 27,0 % в 1931 г. и до 36,9 % в 1932 г. Уровень урбанизации Урала был существенно выше, чем в РСФСР, где он составил в конце первой пятилетки 25,1 %. Доля горожан на Урале достигла 10,3 % от городского населения РСФСР.¹²

Вместе с ростом населения Урала подверглись изменениям и его демографические структуры. Наиболее интенсивно они происходили в среде городского населения. В первую очередь существенно деформировалась половая структура. Значительный перевес женской части населения был зафиксирован в начале 1920-х гг., когда войны, голод выбили мужскую часть населения и довели преобладание женщин в 1920 г. до 1 148 на тысячу мужчин. Постепенно началось выравнивание полов. Мужское население росло быстрее женского. В 1920 г. на 1 000 мужчин в городах приходилось 1 188 женщин, в 1923 г. – 1 152, в 1926 г. – 1 135, в 1931 г. – 1 027, к началу 1932 г. – 1 000. 16 апреля 1931 г. Уральское областное управление народно-хозяйственного учета осуществило свою разработку учета населения, выделив четыре группы городов: 1) Свердловск, 2) новостройки, 3) индустриальные центры, 4) неиндустриальные центры. Эти данные зафиксировали сложившиеся структуры населения в указанных группах городов. Так, на 1 000 мужчин в городах-новостройках приходилось 670 женщин, в Свердловске – 983, в индустриальных центрах – 1 029, в неиндустриальных – 1 143. В областном центре и на новостройках соотношение полов оказалось зеркально противоположным по отношению к началу 1920-х гг., здесь количество мужчин существенно преобладало, что было обусловлено спецификой промышленного строительства и миграции¹³.

Возрастная структура мужского и женского полов также существенно варьировалась по выделенным группам городских поселений (табл. 2).

С одной стороны, половозрастная структура населения позволяет оценить трудовой потенциал территории, с другой – она оказывает непосредственное влияние на процесс воспроизводства. Данные табл. 2 показывают, что разброс значений доли лиц, как в молодых, так и в пожилых группах оказался огромным. Удельный вес городского населения

¹¹ Уральское хозяйство в цифрах. 1928 год. Свердловск, 1929. С. 4, 28–33.

¹² Народное хозяйство СССР: стат. справочник 1932 г. М.; Л., 1932. С. 401–402, XXII–XXIII; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 год. Свердловск, 1930. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 281; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

¹³ Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 7.

в трудоспособном возрасте оказался достаточно высоким в начале 1930-х гг. Однако существенно выше он фиксировался в Свердловске и в городах-новостройках (68,7 и 72,7 %), чем в индустриальных и не индустриальных центрах (62,3 и 57,9 %). Группа населения до трудоспособного возраста, наоборот, имела большие показатели в индустриальных и не индустриальных центрах (32,7 и 35,4 %), чем в Свердловске (27,4 %) и новостройках (25,1 %). Подобная ситуация фиксировалась и в группе старше трудоспособного возраста: 5,0 и 6,6 %; 3,9 и 2,2 % от общего числа жителей соответствующих групп городов. Городское население Уральской области отличалось существенным превышением числа детей над численностью лиц пожилого возраста, т.е. являлось «демографически молодым».

Таблица 2

Половозрастная структура городского населения Уральской области в 1931 г., %.

Группы городов	Население в возрасте, %					
	Пол	0–7	8–15	16–59	60 и старше	Итого
Свердловск	муж.	16,53	9,32	71,32	2,83	100
	жен.	18,02	10,92	65,98	5,08	100
	итого	17,26	10,11	68,68	3,95	100
Индустриальные центры	муж.	20,78	11,46	63,76	4,0	100
	Жен.	21,06	12,01	60,89	6,04	100
	итого	20,94	11,75	62,28	5,03	100
Новостройки	муж.	13,88	6,1	78,42	1,6	100
	жен.	21,16	9,08	66,68	3,08	100
	итого	16,81	8,29	72,71	2,19	100
Не индустриальные центры	муж.	23,09	13,65	57,91	5,35	100
	жен.	20,95	13,47	57,92	7,66	100
	итого	21,96	13,52	57,94	6,58	100

Составлено по: Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 304–305; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 170. Л. 164–170.

От демографического спада 1914–1920 гг. в регионе особенно пострадали три группы населения: 0–7 лет, в трудоспособном возрасте и в пожилой группе. Дети в возрасте от 8 до 16 лет пострадали меньше. В начале 1930-х гг. эта группа достигла зрелости и пришла на смену ослабленным войной и революцией предшествовавшим поколениям. В то же время отсутствие или численная слабость наиболее высоких старческих возрастов давали пониженную смертность. В итоге наблюдался рост рождаемости. В конце первой пятилетки картина меняется. Вмешался фактор голода 1932–1933 гг., который затронул и городское население (табл. 3). В это время рожденные в 1915–1920 гг. достигли зрелого возраста и начали приходить на смену более многочисленным предшествовавшим поколениям. Начался процесс уменьшения удельного веса групп населения, способных к деторождению. И, как результат, понизилась рождаемость. С другой стороны, к этому времени пополнилась старшая возрастная группа, которая давала высокий коэффициент смертности. Эти демографические процессы наложились на голод и эпидемии в 1931–1934 гг. В итоге темпы прироста населения в Уральской области замедлились, более того, в марте–июле 1932 г., весь 1933 г. и первое

полугодие 1934 г. в городах Урала фиксировался отрицательный естественный прирост¹⁴. Данные таблицы демонстрируют, что наибольшие показатели отрицательного прироста фиксировались в северных городах, где в больших размерах были сосредоточены спецпереселенцы. Падение естественного прироста продолжалось до 1940-х гг., когда на смену ослабленным войной и революцией поколениям пришли более многочисленные поколения, родившиеся после 1924 г. Таким образом, мы фиксируем явление, которое в статистике народонаселения носит название демографических циклов. Первая мировая, последовавшая за ней Гражданская война, голод и эпидемии создали брешь в ряде возрастных групп и породили демографический цикл небывалого до этого времени размаха, последствия которого сказывались на естественном движении населения, его численности и половозрастных структурах.

Таблица 3

Естественное движение в городах Уральской области в 1930–1932 гг.

	Среднее население	Родилось	Умерло	В т.ч. до 1 года	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Младенческая смертность
1930 г.								
Города Урала	2 917 650	79 161	55 132	19 500	27,3	18,9	8,4	246,3
Свердловск	201 000	6 135	4 997	1 341	30,5	24,9	5,6	218,6
Челябинск	95 700	3 482	3 567	1 126	36,3	37,3	-1,0	325,2
Пермь	157 376	5 662	4 462	1 374	36,0	28,3	7,7	242,7
Магнитогорск	29 900	749	532	172	25,1	17,8	7,3	229,6
Нижний Тагил	54 568	1 828	1 094	372	33,5	20,0	13,5	203,5
Надеждинск	43 798	2 033	1 585	614	46,3	36,2	10,1	302,0
Губаха	9 315	534	317	139	57,3	34,0	23,3	260,3
1931 г.								
Города Урала	2 415 300	86 246	70 614	22 575	35,7	29,2	6,5	261,2
Свердловск	287 700	9 730	10 058	2 727	31,9	33,0	-1,1	280,2
Челябинск	95 700	5 580	5 666	1 832	46,3	47,1	-0,8	328,3
Пермь	206 100	6 601	5 738	1 604	33,4	30,0	3,4	243,0
Магнитогорск	124 200	4 537	5 818	1 151	30,7	38,0	-7,3	253,4
Нижний Тагил	85 900	2 547	2 270	626	29,7	26,6	3,3	245,8
Надеждинск	55 900	3 748	2 915	920	53,5	41,6	12,3	245,5
Губаха	13 600	297	286	128	21,8	21,0	0,8	431,0

¹⁴ Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009. С. 427.

1932 г.								
Города Урала	2 917 650	103 580	93 965	28 776	35,3	32,2	3,2	279,6
Свердловск	407 200	13 650	14 152	4 274	33,4	34,8	-1,4	314,6
Челябинск	184 000	7 133	8 747	2 519	38,4	47,5	-9,1	356,6
Пермь	192 500	66 487	6 220	1 706	33,7	32,3	1,4	263,0
Магнитогорск	160 000	7 015	7 193	2 081	43,8	45,0	-1,2	297,1
Нижний Тагил	127 050	3338	3 948	1 157	26,1	31,1	-5,0	348,4
Надеждинск	62 950	2 300	3 170	958	36,0	50,3	-14,3	422,2
Губаха	17 050	221	734	236	12,3	40,9	-25,1	106,9

Составлено по: ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–15; Д. 170. Л. 57–72, 164–170, 195–198.

Вторым фактором роста населения Уральской области стало переселение. Основываясь на переписи 1926 г., которая содержала вопросы о месте рождения, продолжительности проживания на данной территории, можно выявить местных и неместных уроженцев. По нашим расчетам, каждый третий житель Уральской области прибыл на эту территорию в 1914–1925 гг., две трети из них приехали после 1917 г. Состав переселенцев по возрасту и полу отличался от характеристик населения районов вселения. Перепись 1926 г. показала, что в населении Уральской области доли детей (0–14 лет) и пожилых (60 и более), с одной стороны, и лиц трудоспособного возраста (с 15 до 60 лет), с другой, примерно уравновешены (50,7 и 49,3 %), тогда как среди мигрантов удельный вес первых был в три раза меньше, чем вторых (24,7 и 75,3 %) ¹⁵. Таким образом, благодаря притоку мигрантов сформировалась достаточно гармоничная возрастная структура. Из данных материалов видно, что мигранты в возрасте 15–49 лет составляли 75,2 %. Это стало стимулирующим фактором для роста брачности и рождаемости. Данные таблицы 3 показывают, что общий коэффициент рождаемости в начале 1930-х гг. сохранялся на высоком уровне, но высоким был и общий коэффициент смертности, особенно младенческой.

Во второй половине 1920-х гг. обостряется потребность в освоении природных ресурсов, что привело к промышленной колонизации. Под этим термином понималось «обеспечение работавших и проектируемых генеральным планом предприятий постоянным составом рабочей силы, создание для рабочих благоприятных условий для жизни, постепенное и прочее освоение земельной территории в районе предприятия» ¹⁶. Размер и темпы колонизационных мероприятий должны были согласовываться с производственными планами предприятий. Миграция рабочей силы на действующие и строящиеся предприятия Урала имела два вида: 1) безвозвратная миграция и 2) миграция сезонная. Безвозвратная миграция включала переселение рабочих из регионов страны с целью постоянной работы на определенном предприятии вместе с имуществом и семьей. За 1926–1929 гг. на предприятия и стройки Урала прибыло около 420 тыс. чел. ¹⁷

С 1930 г. осуществлялись невиданные ранее массовые принудительные перемещения населения, которые вплоть до начала Великой Отечественной войны являлись основным источником пополнения рабочей силы. Первая мощная волна была связана с раскулачиванием. Только за 1930–1931 гг. на Урал было выслано 128 тыс. семей (более трети от общего числа раскулаченных по стране). Численность спецпоселенцев на территории Уральской

¹⁵ Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 138.

¹⁶ Хозяйство Урала. 1926. № 13/14. С. 170.

¹⁷ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 год. С. 42–45; Уральское хозяйство в цифрах. 1929. С. 20–21; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1931. Вып. 1. С. 50–51.

области достигала, по разным оценкам, от 564 до 573 тыс. чел.¹⁸ По данным В.Н. Земскова, к началу 1934 г. здесь на учете состояло 303 315 спецпереселенцев¹⁹. В подавляющем большинстве спецпереселенцы (трудпоселенцы) были задействованы на промышленных объектах и рудниках Урала. Исследования В.А. Журавлевой показывают, что подавляющее большинство спецконтингента составляли мужчины; вместе с тем он составлял незначительную часть городского населения Урала, даже на его новостройках²⁰.

Наибольший прирост городского населения произошел в конце 1920-х – начале 1930-х гг., при этом резкое увеличение связано с масштабным строительством промышленных предприятий. Сельское население, наоборот, из года в год сокращалось, именно оно было источником пополнения горожан. За 1928–1932 гг. в Уральской области было реконструировано 95 промышленных объектов, вновь построено и пущено в эксплуатацию полностью или частично 140 предприятий. В их числе в первую очередь Магнитогорский металлургический комбинат, Уральский завод тяжелого машиностроения, Челябинский тракторный завод, Соликамский химический комбинат, Красноуральский медеплавильный, Березниковский химкомбинат, крупные заводы стройматериалов и лесной промышленности²¹. Резкий рост городского населения происходил за счет механического прироста. Если в 1928 г. темп роста численности горожан составил 4,7 %, в 1929 г. – 15,1, в 1930 г. – 18,3 %, то в 1932 г. он остановился и упал до 5 %. Данные налогового учета показывают такую же тенденцию: все население области увеличилось на 4,1 % с июля 1930 г. по июнь 1931 г. включительно, а с июля 1931 г. по январь 1932 г. – на 2,1 %; городское население выросло соответственно на 24,1 и 15,1 %, сельское население сократилось на 2,8 и 3,7 %. Исключение составил лишь областной центр Свердловск, где за первый период рост составил 22,2 % и 32,3 % – за второй²².

Перепись 1931 г. зафиксировала и такую специфическую демографическую ситуацию, как увеличение числа проживавших единолично. В 1931 г. из 2 022,5 тыс. чел. городского населения Уральской области проживали в семьях 1 697,8 тыс., а одиночками – 324,7 тыс. чел. Доля одиночек ко всему населению составила 16,1 %. По переписи 1926 г. она составляла – 6,02 %. Таким образом, за истекшее между двумя переписями 4 года и 4 месяца удельный вес одиночек возрос в 2,66 раза. Доля их достаточно сильно колебалась по полу и по выделенным группам городов. Среди мужчин удельный вес одиночек по всем городам был больше, чем среди женщин. Наибольшую долю одиночек давали города-новостройки (49,0 % мужчин и 19,4 % женщин) и Свердловск (20,2 % мужчин и 11,9 % женщин).

В начале 1930-х гг. изменения произошли и в размерах, и в структуре семей. Средний размер семьи в городах Урала понизился с 4,1 чел. в 1923 г. и с 4,06 чел. в декабре 1926 г. до 3,7 чел. в 1931 г. (сокращение на 9,8 %). При этом в Свердловске сокращение было еще больше – 3,37 чел., в новостройках – 3,49, в других городах уменьшение также фиксировалось: в индустриальных центрах до 3,73, а в не индустриальных – до 3,78 чел.²³

Перепись 1931 г. позволяет осуществить группировку по следующим показателям: мужчины и женщины, проживавшие в семьях, самостоятельное (занятое или экономически активное) и несамодеятельное (незанятое) население. Характеристика экономически активного населения РСФСР представлена в статье В.Б. Жиромской²⁴.

¹⁸ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. док-тов. Екатеринбург, 1993. С. 36; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 3.

¹⁹ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социс. 1991. № 10. С. 5.

²⁰ Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2016. С. 25.

²¹ См.: Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 56–83; Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. ... С. 218–219.

²² Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 282–283, 286–287.

²³ Хозяйство Урала в цифрах. 1926 г. Краткий статистический справочник. Год 1-й. Свердловск, 1926. С. 25; Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 290.

²⁴ Жиромская В.Б. Демографическая характеристика экономически активного населения РСФСР в 1920-е гг. – середине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 4. С. 66–70.

В среднем на городскую семью приходилось 1,38 работавших и 2,32 не работавших. В каждых 100 семьях имелись 138 чел. работавших и 232 – не работавших. Из числа 138 работавших 102 были мужчины и 36 женщины. Из 232 не работавших – 72 мужчины и 160 женщин. Среди не работавших лиц мужского пола в большинстве случаев были дети и старики, в то время как среди не работавших женщин были еще лица в трудоспособном возрасте. Доля не работавших лиц мужского пола в возрасте 15–59 лет составляла 8,25 % – это были в основном учащиеся, больные и инвалиды.

Почти половина женщин в трудоспособном возрасте не работала на производстве, их удельный вес составлял 48,74 % (в Свердловске – 48,78, индустриальных городах – 49,49, в городах новостройках – 52,47, в не индустриальных центрах – 47,2). Их доля на новостройках и в Свердловске была выше, чем в не индустриальных центрах. Скорее всего, это было связано с тем, что женщины были заняты в подсобном хозяйстве, выполняли работу по дому или помогали членам семьи.

Данные переписи 1931 г. позволяют выяснить долю иждивенцев, приходившихся на одного работника. В среднем по всем 146 городским поселениям Уральской области, вошедшим в разработку, нагрузка эта была равна 1,11, т.е. на 100 работников приходилось 111 иждивенцев. По переписи 1926 г. она была больше и составляла 1,37. Работавшее население окружных городов составляло 43,8 %, не работавшее – 56,2 %; в прочих городских поселениях – соответственно, 40,9 и 59,1 %; в Свердловске – 48,8 и 51,2 %. По сравнению с данными 1931 г. снижение доли иждивенцев за четыре года с небольшим составило 0,26 %. При этом по новостройкам она составила 0,66, по Свердловску – 0,8, индустриальным центрам – 1,14, по не индустриальным центрам – 1,36. В целом по области занятое население в городах составляло 47,4 %, а иждивенцы – 52,6 %. В областном центре показатель занятости был еще выше – 55,4 %, в Магнитогорске – 61,7 %, а удельный вес иждивенцев соответственно ниже – в Свердловске 44,6 %, в Магнитогорске – 38,3 %²⁵. Полная занятость трудоспособного населения обеспечивалась поступательным промышленным строительством.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в ходе промышленного освоения региона шел процесс формирования городского населения. Рост городов и городского населения Уральской области привел к кардинальным изменениям не только в численности горожан, но и к необратимым сдвигам в демографических структурах. Основными причинами этих трансформаций выступали недемографические факторы (экономические, социальные и политические условия). Демографическая сфера не была стабильна, об этом свидетельствовали трансформации структур городского населения (в первую очередь половозрастной и семейной). Демографические изменения свидетельствуют, что процесс урбанизации в регионе постепенно запустил демографический переход. Городское население оказалось в авангарде перехода от традиционного типа воспроизводства к современному.

Литература

Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М.: Дашков и К°, 2009. 632 с.

Жиромская В.Б. Демографическая характеристика экономически активного населения РСФСР в 1920-е гг. – середине 1930-х гг. // *Общество: философия, история, культура.* 2018. № 4. С. 66–70.

Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издат. Центр ЮУрГУ, 2012. 219 с.

Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.

²⁵ Рассчитано по: *Уральское хозяйство в цифрах.* 1928 год. С. 556, 567, 571; *Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г.* С. 313–314; МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1–12.

Журавлева В.А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2014. 242 с.

Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социс. 1991. № 10. С. 3–26.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 3–17.

Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных районов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург: АМБ, 2003. 93 с.

Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.

Исупов В.А. Историческая демография в Сибири: проблемы историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 3–8.

Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 140–145.

Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3. С. 96–100.

Население Урала, XX в.: История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 209 с.

Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). Екатеринбург: Уралкнига, 1923. 104 с.

Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. док-тов. / Т.И. Славко, А.Э. Бедель. Екатеринбург: Наука, Урал. изд. фирма, 1993. 228 с.

Самуэльсон Л. Танкоград: Секреты русского тыла. 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 376 с.

Чащин А.В. Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5. С. 116–121.

Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System, Ithaca: Cornell University Press, 1999. 256 p.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization, Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.

References

Baranov, E.Yu., Kornilov, G.E., Labuzov, V.A. (2009). *Agrarnoye razvitiye i prodovolstvennoye obespecheniye naseleniya Urala. 1928–1934 gg.* [Agrarian Development and Food Supply of the Population of the Urals. 1928–1934]. Moscow, Dashkov and K°. 632 p.

Chashchin, A.V. (2010). *Gorodskoye naselenie Urala vo vtoroy polovine 1920–1930-h gg. (istoriko-demograficheskiy analiz)* [Urban Population of the Urals in the Second Half of the 1920s–1930s (Historical and Demographic Analysis)]. In *Vestnik SamGU*. No. 5, pp. 116–121.

Isupov, V.A. (2012). *Istoricheskaya demografiya v Sibiri: problemy istoriografii* [Historical Demography in Siberia: Problems of Historiography]. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 3–8.

Isupov, V.A. (2018). *Urbanizatsiya Zapadnoy Sibiri: vzglyad istorika* [The Urbanization of Western Siberia: a Historian's View]. In *ECO*. No. 7, pp. 7–22.

Kuz'min, A.I., Orudzhieva, A.G., Kornilov, G.E. (Eds.). (1996). *Naseleniye Urala, XX v.: Istoriya demograficheskogo razvitiya* [Population of the Urals, 20th Century: The History of Demographic Development]. Yekaterinburg, Yekaterinburg. 209 p.

Lebedev, F. (1927). *Naseleniye Urala (Pervye itogi perepisi 1926 g.)* [The Population of the Urals (The First Results of the Census of 1926)]. In *Khozyaystvo Urala*. No. 1, pp. 140–145.

Makarova, N.N. (2009). *Demograficheskaya kharakteristika Magnitogorska: analiz prichin smertnosti i rozhdayemosti (1930–1935)* [Demographic Characteristics of Magnitogorsk: Analysis of the Causes of Mortality and Fertility (1930–1935)]. In *Sotsium i vlast'*. No. 3, pp. 96–100.

Nemchinov, V.S. (1923). *Narodnoye hozyaystvo Urala (ego sostoyaniye i razvitiye)* [National Economy of the Urals (its State and Development)]. Yekaterinburg, Uralkniga. 104 p.

Samuelson, L. (2010). *Tankograd: Sekrety russkogo tyla. 1917–1953* [Tankograd: Secrets of the Russian Rear. 1917–1953]. Moscow: ROSSPEN, 376 p.

Slavko, T.I., Bedel', A.E. (Comp.). (1993). *Raskulachennyye spetspereselentsy na Urale (1930–1936 gg.): sb. dokumentov* [Dekulakized Special Settlers in the Urals (1930–1936)]. Yekaterinburg, Nauka, Ural. izd. firma. 228 p.

Zemskov, V.N. (1990). Spetsposelentsy (po dokumentam NKVD SSSR) [Spetsposelentsy (According to the Documents of the NKVD of the USSR)]. In *Sotsis*. No. 11, pp. 3–17.

Zemskov, V.N. (1991). “Kulatskaya ssylka” v 30-e gody [“Kulak Exile” in the 30s]. In *Sotsis*. No. 10, pp. 3–26.

Zhiromskaya, V.B. (2018). Demograficheskaya kharakteristika ekonomicheski aktivnogo naseleniya RSFSR v 1920-e gg. – mid-1930th gg. [Demographic Characteristics of the Economically Active Population of the RSFSR in the 1920s – mid 1930s]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 4, pp. 66–70.

Zhuravleva, V.A. (2012). *Gorodskoye naseleniye Urala v 1920–1930-e gg.* [Urban Population of the Urals in the 1920s–1930s]. Chelyabinsk, Izdat. Tsentr YuURGU. 219 p.

Zhuravleva, V.A. (2014). *Istochniki formirovaniya gorodskogo naseleniya Urala v 1920–1930-e gg.* [Sources of Formation of the Urban Population of the Urals in the 1920s–1930s]. Chelyabinsk, izdat. Tsentr YuURGU. 242 p.

Zhuravleva, V.A. (2016). *Gorodskoye naseleniye Urala v 1920–1930-e gg.: istoriko-demograficheskiy analiz* [Urban Population of the Urals in the 1920s–1930s]: avtoref. ... d-ra istor. nauk. Yekaterinburg. 36 p.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2003). *Reformy administrativno-territorial'nogo ustroystva vostochnykh rayonov Rossii (XVIII–XX vv.)* [Reforms of the Administrative-Territorial Structure of the Eastern Regions of Russia (18th–20th Centuries)]. Yekaterinburg, AMB. 93 p.

Статья поступила в редакцию 19.05.2021 г.